

ющих требования безопасности товаров, предназначенных для детей. Речь идет о поддельных детских игрушках и одежде.

Если говорить об оказании услуг и выполнении работ, то здесь наиболее распространенными являются преступления, связанные с подрывными (а также конструкторскими) работами на строительном рынке и в сфере ЖКХ. Они заключаются в недобросовестном выполнении работ, заведомых ошибках при проектировании для снижения себестоимости работ, а также заведомом нарушении проектной документации в ходе выполнения работ с той же целью. Аналогичное происходит в сфере перевозок населения, где имеет место ряд нелегальных фирм, осуществляющих «маршрутные» перевозки граждан на неисправной технике, с использованием услуг неквалифицированных водителей.

Еще одним ключевым элементом криминологической характеристики преступления выступает характеристика личности преступника и жертвы преступного посяательства.

Для проведения анализа личности указанной категории преступников нами были проанализированы материалы уголовных дел, завершённых в связи с обвинительным заключением по ст. 238 УК РФ в отношении 280 лиц, расследованных и рассмотренных судами Центрального федерального округа Российской Федерации за три последних года.

В ходе исследования выявлены отличия между лицами, совершающими преступления в сферах производства (выполнения работ и оказания услуг) и дальнейшего распределения товаров (хранения и сбыта). Приведенные ниже данные позволяют условно разделить таких преступников на две группы — «активную» (занимающуюся созданием продукта) и «пассивную» (участников товарораспределения). Кроме того, отдельную группу составляют лица, формирующие «специальный субъект», — работники органов сертификации.

Подчеркнем, что «криминологические портреты» лиц из трех разных групп в достаточной степени разнятся.

В первую группу (лица, совершающие преступления в сфере производства товаров, выполнения работ и оказания услуг, — «активная» группа), как правило, входят мужчины в возрасте от 21 года до 30 лет с высшим и средним специальным образованием, являющиеся руководителями организаций либо частными предпринимателями, состоящие в зарегистрированном браке либо в фактических семейных отношениях, имеющие постоянный источник доходов и являющиеся гражданами Российской Федерации.

Вторую группу (лица, реализующие товары, — «пассивная группа»), как правило, составляют женщины в возрасте от 31 года до 40 лет со средним специальным образованием, состоящие в зарегистрированном браке либо в фактических семейных отношениях, являющиеся рядовыми работниками организаций и имеющие невысокий или непостоянный доход. Среди указанных лиц доля иностранцев заметно выше, чем в «активной» группе.

Следовательно, основное отличие между «активной» и «пассивной» группами заключается в мотиве, которым руководствуется субъект при совершении преступления.

В группе лиц, составляющих «специальный субъект» преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, криминологический портрет таков: это мужчины в возрасте от 21 года до 30 лет с высшим образованием, занимающие рядовые должности государственных служб, состоящие в зарегистрированном браке либо в фактических семейных отношениях. Однако основным мотивом у таких преступников, как правило, выступает обусловленность деяния недостаточно высоким материальным положением.

В любом случае рассматриваемая категория лиц представляет собой одну из категорий преступников наивысшей опасности, которые в силу тех или иных обстоятельств пренебрежительно отнеслись к жизни и здоровью своих сограждан, сознательно пойдя на нарушения требований безопасности в сфере потребительского рынка.

С сожалением приходится констатировать крайне высокую степень вовлеченности нелегальных мигрантов в преступную деятельность на потребительском рынке в сфере хранения и сбыта товаров, не отвечающих требованиям безопасности.

Относительное благополучие России по сравнению с бывшими республиками СССР привело в последние полтора десятилетия к огромному притоку мигрантов. Не имея зачастую существенных профессиональных навыков, не владея в достаточной степени русским языком, не ощущая ответственности за свои действия, данные лица в большей части устремились в наиболее прибыльный и быстрорастущий потребительский сектор. С другой стороны, предприниматели, использующие их труд, получают дополнительную экономию на оплате труда. Формирование целых национальных преступных группировок, в частности на торговых рынках-ярмарках, стало повсеместностью; силами нелегальных мигрантов совершается множество преступлений, они привлекаются в том числе к производству и реализации товаров, не отвечающих требованиям безопасности.

Следует отметить, что прогрессивные изменения в миграционном законодательстве не могут окончательно решить указанную проблему — потребность в иностранной (дополнительной) рабочей силе все еще существует. Не дают эффекта и административные меры — в частности, ликвидация печально известного Черкизовского рынка в г. Москве привела лишь к тому, что труд высвободившихся нелегальных мигрантов стал использоваться на целом ряде более мелких различных рынков и торговых центров столицы и ближайшего Подмосковья, распродолжив тем самым и очаг криминальных явлений, сопутствующих нелегальной миграции. Теперь в список мест, нежелательных для совершения покупок с точки зрения соблюдения интересов потребителей и не в последнюю очередь в контексте обеспечения безопасности их здоровью, может быть включен целый ряд объектов розничной

торговли. И если ранее граждане, в достаточной степени осведомленные о рисках покупки на одном крупном столичном рынке, старались осуществлять приобретение в других местах, то теперь принять соответствующее решение становится намного сложнее.

Наконец, конечными потребителями и жертвами преступных посятельств выступают представители различных слоев общества, действовавшие в различных обстоятельствах, под влиянием разных факторов.

И хотя, как правило, речь идет о социально деклассированных элементах (алкоголиках), а также о таких людях, которые стремятся сэкономить и подчас заведомо идут на приобретение контрафактных, просроченных и т.п. товаров, доверяют оказание услуг (например, подряда) организациям с сомнительной репутацией, подчас — фиктивным, в общем случае жертвой рассматриваемой категории преступлений может стать каждый из нас, просто приобретя в универсаме какой-либо товар.

Именно в силу этого и складывается наше сегодняшнее представление о высочайшей степени общественной опасности преступлений, связанных с производством, хранением, сбытом товаров и выполнением работ, не отвечающих требованиям безопасности.

Рассматривая вкратце причинную обусловленность преступлений, связанных с производством, хранением, сбытом товаров и выполнением работ, не отвечающих требованиям безопасности, отметим, что, так как преступления в сфере потребительского рынка — это, прежде всего, преступления в области пред-

принимательской деятельности, их динамика во многом предопределена «уязвимыми местами» предпринимательства. Специфическим детерминантом преступлений, связанных с производством, хранением, сбытом товаров безопасности, выступает запоздалое осознание российским обществом и законодателем высочайшей степени опасности оборота такой продукции и выполнения таких работ. Важным детерминантным фактором преступности на потребительском рынке является нелегальная миграция.

В заключение подчеркнем, что анализ современного состояния преступности на потребительском рынке, в частности преступлений, связанных с производством, хранением, сбытом товаров и выполнением работ, не отвечающих требованиям безопасности, выявление ее причинного комплекса, изучение личности преступника не являются самоцелью, а выступают необходимыми условиями целенаправленного предупреждения преступности.

Пискунов Сергей Андреевич,
инспектор отдела организации сопровождения
Правового департамента МВД России
г. Москва, ул. Житная, д. 16

¹ Дмитриев О. Экономическая преступность и противодействие ей в условиях рыночной системы хозяйствования. М.: Юрисп, 2005. С. 105.

² Федеральный закон «О лекарственных средствах» от 22.06.1998 г. № 86-ФЗ [ред. от 30.12.2008 г.] // Российская газета. № 118. 25.06.1998.

Публичность: определение и значение в уголовном судопроизводстве России и Армении*

В статье рассматриваются проблемы определения публичности в уголовном судопроизводстве. Выявляется идеологическое содержание этого понятия и его влияние на правоприменительную практику. Обращается внимание на диалектику взаимоотношения публичного и частного в уголовном процессе. Одной из причин коррупции в правоохранительных органах называются особенности взаимоотношений публичного и частного начала в уголовном процессе. Свои выводы автор делает на основе сопоставления уголовно-процессуального законодательства России и Армении.

Ключевые слова: публичность, принципы уголовного судопроизводства, идеология, коррупция.

The article considers the problems of determination of publicity in criminal judicial proceeding; shows ideological contents of this concept and its influence on law-application practice; draws attention to the dialectics of interrelation of the private and public concepts in criminal procedure. The author makes his conclusions on the basis of comparison of criminal-procedure legislation of Russia and Armenia.

Key words: publicity, principles of criminal judicial proceeding, ideology, corruption.

По поводу содержания и значения публичности в уголовном судопроизводстве уже много написано и сказано. Однако споры не стихают и по сей день. При этом остается непонятым, насколько далеко мы продвинулись в направлении познания истины по этому вопросу. А может быть, истины здесь и не может быть? Может быть, этот вопрос сродни массе вопросов, которые ставились в далеком Средневековье и на кото-

рые в тот период пыталась найти ответ средневековая схоластическая наука? Вроде таких как: сколько ангелов может пролезть в ушко иглы — или что первично: курица или яйцо? Думается, что такие далеко не оптимистичные настроения вполне закономерный результат названной непрекращающейся дискуссии. Не исключено, что его испытывают и другие исследователи, которые брались за данную проблему.

* Dilbandyan S.A. Publicity: Definition and Significance in Criminal Judicial Proceeding of Russia and Armenia

Конечно, от проблем схоластики современные проблемы уголовного процесса отличаются прагматизмом, который не принимает ничего, что не несет для практики судопроизводства вполне осязаемой пользы. Но тогда почему же практика не предоставляет таких данных, основываясь на которые можно было бы дать окончательный, неоспоримый ответ? Причина — очевидна. Дискуссия о принципе публичности отражает суть уголовного процесса, состоящую в постоянном его развитии, изменении. В каждый конкретный исторический период представления о принципе публичности и его значении изменяются так же, как изменяется уголовное судопроизводство и представления о нем.

Данная проблема усугубляется также и тем, что теория и практика по отношению к публичности занимают разные позиции. Так, теория принимает за аксиому то, что реализация принципа состязательности неизбежно должна вести к сокращению публичного начала в уголовном судопроизводстве. Однако законодательная практика и России, и Армении свидетельствуют о том, что количество дел публичного обвинения, в которых как раз и преобладает публичное начало, не становится меньше. В УПК Республики Армения (ст. 183) и в УПК РФ (ч. 2 ст. 20) назван состав преступлений, производство по которым осуществляется в порядке частного обвинения.

Но прежде всего вопрос: публичность — это принцип или это что-то совсем иное? Высказываются два полярных мнения: одно утверждает, что это принцип, другое — не признает такого принципа. Представляется, что для всякого юриста подсказкой должен быть сам закон. Названа ли в законе публичность принципом или же такого утверждения в нем нет? Уголовно-процессуальное законодательство и России, и в Армении по этому вопросу солидарно. В законодательстве обоих этих государств публичность не провозглашается принципом. Он не рассматривается в главе 2 УПК Республики Армения, так же как и в главе 2 УПК РФ. Следовательно, публичность — это не принцип. В связи с этим можно говорить лишь о публичном начале в уголовном судопроизводстве, наличие которого закреплено в уголовно-процессуальном законодательстве двух стран.

Так почему же отдельные авторы публичность по-прежнему возводят в ранг принципов? Причина этого видится в инерции восприятия отдельных положений уголовного судопроизводства. Действительно, как это видно из учебников уголовного процесса советского периода, публичность рассматривалась как один из важнейших принципов. Так же воспринимали публичность и наиболее авторитетные ученые-юристы того периода. Причиной этому, как представляется, являлась господствовавшая в тот период идеология, которая не признавала и не хотела признавать частное начало, отдавая предпочтение началу публичному. Кроссорецивным подтверждением этому является высказывание Г.И. Добровольской: «Принцип публичности, как и любой другой принцип нашего уголовного процесса, конечно, основан на социалистической

законности, тесно и неразрывно связан с нею¹. Такой акцент на законности, которая является социалистической, указывает на то, что принцип публичности в тот период помимо вполне прагматических задач решал и задачи идеологии. Собственно, это было характерно для всей системы принципов уголовного процесса.

Элементом идеологии Советского государства было превалирование государственного над частным, а иногда даже подавление частного в интересах государственного (публичного). Такое пренебрежение к частному в угоду публичному видно в следующем высказывании идеолога того периода — А.Я. Вышинского, который писал, что «начало публичности находит свое выражение в советском процессе в *правиле* о том, что уголовное преследование может возбуждаться лишь органами государственной власти — прокуратурой, судебными органами Союза и союзных республик, с одной стороны, и с другой стороны, в том, что все процессуальные действия совершаются *ex officio*, вне зависимости от воли и интересов частных лиц². М.А. Чельцов, отмечая то, что публичное начало предполагает борьбу с преступностью, писал: «Эти действия совершаются в государственном интересе осуществления правосудия и достижения его целей — раскрытия преступления, изобличения и осуждения виновного и оправдания невиновного, а не в интересах и по воле отдельных граждан³. Как видно, даже в том случае, когда частный интерес совпадает с публичным, система процессуальных действий выполняется ради публичного интереса. Так, Т.Н. Добровольская писала: «Деятельность всех органов Советского государства проникнута началом публичности, т.е. служением интересам государства, интересом социалистического общества⁴.

Вполне очевидно, что при наличии такой идеологии публичность могла быть принципом и не меньше. Уголовный процесс должен был быть торжеством публичного (государственного) над частным (интересами и даже правами отдельных граждан). В этом было преломление общей государственной идеологии в уголовном процессе.

Однако названная идеология — прошлое и России, и Армении. Частный интерес в этих государствах, так же как и во всех демократических государствах не противопоставляется публичному. Напротив, публичное (государственное) способствует реализации законного частного интереса. Это позволяет несколько иначе взглянуть на соотношение прав участвующих в уголовном судопроизводстве лиц, с одной стороны, и полномочий должностных лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, — с другой стороны. Права и полномочия названных лиц более не следует рассматривать лишь как антагонизмы, находящиеся в неразрешимом противоречии. Да, действительно, их интересы отличаются, они преследуют в уголовном процессе разные цели, однако, несмотря на это, непреодолимых противоречий между ними нет, поскольку в результате их взаимодействия предполагается справедливое разрешение конкретного уголов-

ного дела. Именно поэтому становится неуместным вопрос о том, чьим правам и полномочиям отдавать предпочтение. Более уместным становится вопрос о содержании этих прав и полномочий. Ведь полномочия должностных лиц правоохранительных органов можно использовать не только для ограничения прав, участвующих в уголовном судопроизводстве лиц, но и для обеспечения более эффективной реализации этих прав. В частности, полномочия суда обеспечивают не только разрешение конкретного уголовного дела, но и права лиц, участвующих в судебном разбирательстве. Как справедливо замечает В.А. Лазарева: «Оставаясь беспристрастным и объективным арбитром, суд обеспечивает реализацию гарантированного государством права на судебную защиту всем гражданам, независимо от того, какую роль они играют в правовом конфликте⁵.

Идеология уголовного процесса правового государства должна отбросить за ненадобностью представление о публичном начале, как вечном антагонизме частному. На различных стадиях уголовного судопроизводства публичное начало по-разному взаимодействует с частным, но всегда его следует рассматривать как один из факторов, содействующих более полной реализации частного начала. Более того, в отдельных случаях публичность можно рассматривать как гарантию от судебного, следственного и иного произвола, который может исходить от должностных лиц правоохранительных органов. Так, в ч. 4 ст. 4 УПК РФ, где сказано: «Следователь, а также с согласия прокурора дознаватель возбуждают уголовное дело о любом преступлении, указанном в частях второй и третьей настоящей статьи, и при отсутствии заявления потерпевшего или его законного представителя, если данное преступление совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы». Речь в процитированной норме идет о делах частного и частично-публичного обвинения. То есть в уголовном судопроизводстве прямо провозглашается, что публичный интерес состоит также и в защите частного интереса, особенно в тех случаях, когда этот частный интерес не может быть реализован в силу беспомощного состояния или иных причин. В этом случае публичный интерес призван восполнить ущербность частного начала, которая состоит в трудностях волеизъявления.

Парадоксом диалектики сосуществования публичного и частного в уголовном судопроизводстве является то, что полное торжество публичного над частным невозможно. Невозможно полностью подавить частный интерес в уголовном судопроизводстве. Более того, имеются определенные пределы публичного начала в уголовном судопроизводстве, выход за которые невозможен, поскольку частный интерес все равно возьмет свое, пусть и незаконно. Ведь вполне очевидно, что излишнее разрастание государственного, в какой бы сфере оно ни происходило, приводит к бюрократизации, являющейся благодатной почвой для всяческих злоупотреблений должностных лиц.

В уголовном судопроизводстве это неизменно влечет за собой то, что публичное начало может в отдельных случаях трансформироваться в частный незаконный интерес недобросовестных должностных лиц правоохранительных органов, в том числе и судей. Названные должностные лица, осознавая свою власть, могут незаконно ее использовать в собственных интересах и интересах других лиц. Соблазн этого неизбежно проистекает из значительного объема власти, который предполагает принцип публичности, провозглашавшийся в социалистическом государстве. Публичность дает власть в уголовном судопроизводстве, которая может быть использована как средство получения незаконных доходов. То есть имеется определенная зависимость между публичностью в уголовном судопроизводстве и коррупцией в правоохранительных органах. Эта зависимость состоит в том, чем больше публичного начала в уголовном судопроизводстве, тем больше и коррупции в правоохранительных органах.

В немалой мере коррупции и другим злоупотреблениям должностных лиц в уголовном судопроизводстве способствует то, что публичность порождает искушение у должностных лиц к тому, чтобы судопроизводство не было прозрачным. Это необходимо названным лицам для того, чтобы об их злоупотреблениях не знали. Поэтому реализации гласности в уголовном судопроизводстве препятствует публичность, если она превосходит определенные оптимальные размеры (к примеру, если она такая, как в была в Советском государстве).

Как было сказано выше, несмотря на то, что публичность в уголовно-процессуальном законодательстве современных России и Армении уже не принцип, однако она по-прежнему определяет многие положения уголовного судопроизводства названных стран. Это представляется весьма тревожным в свете вышеприведенных суждений о соотношении публичности и уровня коррупции в правоохранительных органах. То есть желание видеть публичность принципом, а также значительное влияние этого начала на уголовное судопроизводство создает благоприятные условия для коррупции. Поэтому борьба с коррупцией в правоохранительных органах предполагает наряду с другими действиями ослабление публичного начала в уголовном судопроизводстве.

Названная взаимозависимость между публичностью в уголовном судопроизводстве и коррупцией в правоохранительных органах позволяет говорить о негативном значении публичности, которая способствует появлению и развитию незаконного частного интереса лиц в уголовном процессе. Данный частный интерес могут проявлять должностные лица правоохранительных органов, участники уголовного судопроизводства, а также лица, непосредственно не вовлеченные в уголовный процесс, но имеющие свой интерес в исходе конкретных уголовных дел. Так, публичность может стать в отдельных случаях достаточно эффективным орудием воздействия на правосудие со стороны организованных преступных сообществ,

которые путем подкупа должностных лиц правоохранительных органов могут использовать их властные полномочия для решения своих задач в рамках конкретных уголовных дел. Также и иные лица могут использовать названный механизм в своих интересах, добиваясь неправосудного решения по отдельным уголовным делам. В частности, это могут быть родственники обвиняемых, лица, виновные в совершении преступления, но не привлеченные в качестве обвиняемых и другие.

Общая тенденция развития уголовно-процессуального законодательства на современном этапе развития, как представляется, не только решает проблемы охраны прав и свобод граждан, но и создает условия для эффективной борьбы с коррупцией в правоохранительных органах. Провозглашаемая защита и уважение прав и свобод человека — это, по существу, признание частного интереса как одной из основ уголовного судопроизводства. Так, среди принципов уголовного судопроизводства в УПК РФ названа охрана прав и свобод человека и гражданина (ст. 11), а в УПК Республики Армения — уважение прав, свобод и достоинства личности (ст. 9). Тем самым создано основание не только для демократизации уголовного судопроизводства, но и для борьбы с коррупцией. То есть вполне очевидно, что утверждение законного частного интереса в качестве основы уголовного процесса — это предупреждение и профилактика всевозможных коррупционных проявлений.

Утверждение законного частного интереса в качестве основы уголовного судопроизводства — это не только часть демократической идеологии в уголовном процессе, но и часть антикоррупционной идеологии. Однако публичность при этом не должна полностью отрицаться, а должна реализовываться в процедурах и механизмах уголовного судопроизводства, обеспечивающих максимальную прозрачность. Кроме того, она должна обеспечивать реализацию частного начала. Такой подход к публичности и частному интересу способен быть основой повышения уровня правосудности принимаемых в уголовном судопроизводстве решений, а также дальнейшей демократизации уголовного процесса.

Дилбандян С.А.,
заведующий кафедрой уголовного процесса и
криминологии юридического факультета ЕГУ,
кандидат юридических наук
iravdilbandyan@rambler.ru

¹ Добровольская Г.Н. Принципы советского уголовного процесса (вопросы теории и практики). М.: «Юридическая литература», 1971. С. 79.

² Вышинский А.Я. Курс уголовного процесса. М., 1927. С. 140.

³ Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1951. С. 80.

⁴ Добровольская Г.Н. Принципы советского уголовного процесса (вопросы теории и практики). М.: «Юридическая литература», 1971. С. 67.

⁵ Лазарева В.А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1999. С. 59.

Стратегия и тактика борьбы в США по противодействию актуальным угрозам в сфере легализации доходов, приобретенных преступным путем*

Статья посвящена мерам и стратегии США в области противодействия отмыванию финансовых средств, а также роли различных правоохранительных агентств США в данной борьбе.

Ключевые слова: легализация доходов, отмывание, стратегия США, правоохранительные ведомства США¹.

The article is devoted to the measures and strategy of the USA in the sphere of counteraction of laundering financial means and also the role of various law-enforcement agencies of the USA in this struggle.

Key words: legalization of revenues, laundering, strategy of the USA, law-enforcement institutions of the USA.

В Америке началом наиболее значимого этапа по противодействию отмыванию преступно нажитых доходов стало утверждение законопроекта «Патриотического акта»², который был принят после событий 11 сентября 2001 г.

Он ознаменовал собой беспрецедентное расширение полномочий правоохранительных и контролирующих органов, в том числе тех, которые ранее признавались неконституционными. Кроме этого, было задействовано так называемое правило «Знай сво-

его клиента»³ в отношении банковской сферы, которое, по существу, обязало банки расследовать деятельность своих клиентов.

Помимо прочего Генеральная прокуратура США указала, что «финансовые институты США обязаны раскрывать личности их клиентов, своих владельцев и их сотрудников, те же правила без исключения применяются и в отношении любых иностранных банков», в отношении банков, имеющих отношение к финансовым потокам через США⁴.

Однако национальная стратегия США против отмывания денежных средств с 2007 г. сфокусировала свою деятельность непосредственно на предотвращении отмывания денежных средств, независимо от борьбы с терроризмом, как это было до этого, после 11 сентября 2001 г. Такое разделение произошло вследствие переоценки предыдущего опыта, так как практика противодействия отмыванию незаконно приобретенных средств показала, что, несмотря на то, что организованная преступность и лица, финансирующие терроризм, используют одни и те же каналы и одинаковую технику отмывания денежных средств, они все же различаются в своей деятельности, что детерминирует разделение данных угроз.

На данный момент в США наибольшая значимость в части легализации финансовых средств приписывается следующим факторам:

1) Банки и другие депозитарные институты. Как только незаконно полученные денежные средства размещены на счетах, появляется возможность их немедленного перемещения путем использования новых возможностей электронного перевода посредством использования Интернета.

Стратегия противодействия: для обеспечения большей безопасности в данной сфере объединяются усилия Агентства, обеспечивающего взаимодействие в отношении финансовых преступлений (FinCEN⁵), и департаментов, осуществляющих надзор за банковской сферой, в том числе правоохранительного департамента по финансовым и экономическим преступлениям;

данные учреждения в сотрудничестве друг с другом разрабатывают и публикуют руководство для служащих банковской сферы о признаках наличия отмывания денежных средств. FinCEN занимается, кроме того, установлением и усилением взаимодействия между банковской сферой и правоохранительными органами;

кроме того, FinCEN реализует программу, установленную «Патриотическим актом»⁶, и непосредственно ведет взаимодействие с банками, находящимися за пределами территории США;

FinCEN обеспечивает аналитическую и прогнозную функцию, разрабатывая материал для адекватной оценки угрозы и выявления наиболее вероятных стран и путей, через которые будет осуществляться отмывание денежных средств с учетом международных договоренностей, специфики законодательства данных стран и имеющейся статистики из практической деятельности правоохранительных органов;

Агентство по учету зарубежных активов (OFAC⁷) обеспечивает усиление «прозрачности» переводов из-за рубежа на национальном уровне, включая все бытовые платы с использованием дебетовых карт и депозитов⁸;

правоохранительные органы ведут расследование таких дел, опираясь прежде всего на «Отчеты подозрительной активности (SAR)»⁹, представляемые банковской сферой.

2) Услуги в денежной сфере (MSBs)¹⁰. Такие услуги, как перевод денежных средств, обмен иностранной валюты, дорожные чеки, обналичивание чеков. Кроме того, часть компаний предоставляет неформальные услуги (обычно распространены среди иммигрантов¹¹).

Стратегия противодействия:

FinCEN совместно с федеральной банковской инспекцией разрабатывает и публикует методические пособия и руководства для служащих, предоставляющих услуги в данной финансовой сфере;

FinCEN в сотрудничестве с федеральными правоохранительными агентствами и департаментом «иммиграции и таможи (ICE)»¹² обеспечивает выявление незарегистрированных компаний и компаний без необходимой лицензии на такую деятельность¹³;

FinCEN проводит анализ с целью выявления путей раскрытия информации в отношении данного сектора услуг, в том числе выявления и надзора за международными организациями, имеющими отделения на территории США.

3) Контрабанда наличных денежных средств через границу государства для размещения таких средств где-либо в другом месте.

Стратегия противодействия:

Национальное казначейство обеспечивает поддержку для расследований внутренней налоговой службе (IRS-CI)¹⁴ и департаменту «иммиграции и таможи (ICE)» для эффективного расследования случаев контрабанды больших сумм наличности через границу. В свою очередь, департамент юстиции предоставляет поддержку Агентству по контролю за наркотическими веществами (DEA¹⁵) в целях расследования таких дел, полученных преимущественно от незаконной торговли такими наркотическими веществами;

Федеральное казначейство и департамент юстиции спонсируют обучение сотрудников Агентства по контролю за наркотическими веществами (DEA¹⁶), IRS-CI, ICE, таможенной службы (CBP¹⁷) и прокуратуры¹⁸ в целях более эффективного расследования дел по незаконному перемещению денежных средств через границу¹⁹;

таможенная служба (CBP) в сотрудничестве с ICE разрабатывают технические средства для обнаружения больших сумм наличности;

FinCEN и Федеральная инспекция в банковской сфере совместно с правоохранительными органами помогают депозитарным институтам США в обнаружении денежных депозитов, полученных от незаконной деятельности.

4) Использование международных переводов и использование помощи международных преступных сообществ, занимающихся отмыванием незаконно полученных средств на постоянной основе на международном уровне, в наиболее сложных схемах отмывания денежных средств.

Стратегия противодействия:

правоохранительные агентства ведут внедрение своих агентов «под прикрытием» в преступные сообщества, целью которых в том числе является выявление

* Leshkov S.G. Strategy and Tactics of Struggle in the USA Against Actual Menaces in the Sphere of Legalization of Revenues Acquired by Criminal Means